

ПАК ХЁНСУК

Ресторан «Кумихо»

18+

Хёнсук Пак

Ресторан «Кумихо»

Серия «Ресторан «Кумихо»», книга 1
Серия «Хиты корейской волны»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70063207

Ресторан «Кумихо» / Пак Хёнсук ; перевод с корейского Сок Хёна: АСТ;

Москва; 2023

ISBN 978-5-17-156197-0

Аннотация

Школьнику Ван Доёну и шеф-повару Ли Минсоку после смерти несказанно повезло! Ведь далеко не каждому удастся встретить загадочную Кумихо и получить от нее предложение – всего-то капелька крови в обмен на 49 дней жизни. Вернуться из мертвых столь просто – большой соблазн, однако условия сделки оказываются не такими прозрачными... Перед Ван Доёном и Ли Минсоком встает непростой выбор, но один из них готов на многое, чтобы воскреснуть и исправить ошибки прошлого. Ведь когда еще представится такой шанс?

Трогательная история о том, что такое настоящая жизнь. О том, как важно проживать каждый ее момент и благодарить даже за малое

Содержание

Лиса мечтает о бессмертии	6
Ресторан «кумихо»	20
Как встретить нужного человека	32
Гламурное меню	41
Неожиданная встреча	53
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Пак Хёнсук

Ресторан «Кумихо»

##

NINE TAILED FOX RESTAURANT

###

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Корейского института литературного перевода

한국문학번역원

##

NINE TAILED FOX RESTAURANT

Copyright © 2018 Hyun Suk Park

Russian Translation Copyright © 2023

AST Publishers Ltd. All rights reserved.

This translated edition was published
by arrangement with Special Books

through Shinwon Agency Co.

© ООО «Издательство АСТ», 2023

© Сок Хёна, перевод на русский язык, 2023

В книге упоминаются соцсети метаплатформы Meta Platforms Inc, Facebook и Instagram, деятельность которых запрещена на территории РФ.

Лиса мечтает о бессмертии

Рассеянный свет струился сквозь широкие окна старого ресторана. Сияние полной луны не уступало в яркости полуденному солнцу. Тонкое стекло без прикрас отражало бледные лица – мое и моего неожиданного попутчика.

– Так значит, тебе пятнадцать? И что же мы будем говорить, если кто-нибудь начнет приставать с расспросами? Думаю, тебе лучше называть меня отцом. Это может сойти за правду, – предложил он мне.

Я и сам думал о том, что если мы будем жить вместе под одной крышей сорок девять дней, то придется как-то объяснять наши отношения, когда кто-нибудь начнет интересоваться. В подобной ситуации мой уклончивый ответ лишь подстегнет любопытство посетителей, и это осложнит наше дальнейшее пребывание здесь.

– Дело ваше, но лично мне идея не нравится, – ответил я, не находя, впрочем, в его предложении ничего плохого.

Но мне не хотелось, чтобы со стороны выглядело так, будто я без всяких колебаний согласился с ним. Пусть думает, что я сделал это по необходимости, в силу сложившихся обстоятельств.

– Не нравится? Тоже мне. Ему, видите ли, не нравится! И мне не нравится. Думаешь, мне так хочется называть тебя сыном? Я вообще-то холостяк. Какой может быть сын у неженатого? – моментально отреагировал на мои слова Ачжосси¹, словно опасаясь, что малейшее промедление с его стороны и вправду свяжет нас родственными узами.

На вид ему было хорошо за сорок. Я хотел спросить, чем

¹ Ачжосси – в Корее: уважительное обращение к старшему по возрасту мужчине; обычно используется детьми и подростками (может переводиться как господин, мистер или дядя). – *Здесь и далее, если не указано иное, примечания переводчика.*

же он таким занимался, что даже жениться не успел, но подумав, не стал этого делать. Судя по бешеной популярности песенки «Отношения – норма, а женитьба – выбор»², мой вопрос мог показаться несовременным.

Причиной, почему нам с этим незнакомцем предстояло жить вместе целых сорок девять дней, стала роковая встреча с Сохо. Эта красивая женщина, жаждала свежей горячей крови и предложила необычную сделку как раз в тот момент, когда нам предстояло перейти через реку забвения. Она сказала, что река окончательно отделяет мир живых от мира умерших. После того, как мертвые прибывают в загробное царство, их кровь становится холодной. Сама же Сохо перейти реку не могла. Кроме того, ей была нужна еще не остывшая кровь тысячи человек – именно столько потребуется ей выпить, чтобы обрести бессмертие.

Со слов Сохо, даже если у человека констатировали смерть, то пока он не перешел реку забвения, у него есть шанс воскреснуть. Подобное явление не поддается объяснению с медицинской точки зрения, однако людям, пережившим клиническую смерть, выпала именно такая возможность. И это не просто выдумки тех, кому посчастливилось вернуться с того света. У каждого есть такая возможность.

Сохо предлагала нам продать ей горячую кровь по сходной цене – за несколько дней жизни.

² Слова из популярной песни «Амор пати» исполнительницы Ким Ёнчжа, отражающие образ жизни современных корейцев.

– Вероятность воскреснуть из мертвых ничтожно мала, как пылинка. Так что, чем цепляться за такую призрачную возможность, лучше продайте ее мне – не прогадаете. Ведь я гарантирую целых сорок девять дней, в течение которых вы сможете находиться в мире живых. Цена сделки – всего лишь глоток горячей крови. Но вы должны принять это решение самостоятельно. Ведь ваша душа наверняка болит от неожиданной разлуки с близкими? Или у вас есть человек, которого вы хотите увидеть напоследок? Что ж, вам крупно повезло – вы встретили меня. Не так-то просто получить отсрочку от смерти на столько дней.

Сохо добавила, что на тот свет приходит такое количество людей, что невозможно встретиться с каждым. Обычно она пряталась в кустах за поворотом тропинки, ведущей к реке забвения, присматривалась, внимательно изучая путников, и только потом осторожно заводила разговор про сделку. Ведь не всем можно было предложить такое. Чего только не довелось ей услышать в ответ: «Что же ты прячешься, если несешь людям удачу?», «Почему не делаешь это в открытую?», «Думаешь, меня ни разу в жизни не дурили?», «Меня уже и так обманули перед смертью», «Я что, выгляжу лохом, которого даже после смерти можно обдурить?» Путники, принимавшие Сохо за обычную мошенницу, без колебаний продолжали путь.

Безропотно переходили реку забвения и те, у кого больше

не осталось никаких иллюзий в этой жизни. Те же, кто пытался с Сохо поторговаться, чтобы выгадать лишний денек, упускали отпущенное им время и были вынуждены уйти в небытие.

В момент появления Сохо на моем пути я шагнул к реке вместе с незнакомым мужиком, которого никогда не видел при жизни. Видимо, мы с ним умерли в один день и в один час. Когда Сохо предложила нам сделку, он согласился, не раздумывая ни минуты:

– Ну и отлично, я ведь не хотел уходить вот так. А ты не можешь дать побольше времени? Я готов заплатить не только глотком крови, а дать вдвое больше или все что попросишь.

– Нет, это невозможно, – категорично замотала головой Сохо, пообещав только сорок девять дней.

– Ничего не поделаешь. Я согласен. Отправь меня побыстрее туда, где я жил. В Танмандон, да-да, Танмандон.

– Ой, а ведь там и мой дом, – я был немного удивлен и в то же время обрадован. Мне показалось невероятным, что мы с человеком из нашего маленького района умерли в один день и час.

– В самом деле? – воскликнул мой попутчик.

– Ну, а ты что решил? – спросила у меня Сохо.

Ее вопрос застал меня врасплох. В отличие от многих, я довольно спокойно воспринял собственную смерть. Нет, правильнее будет сказать, что мне все еще толком не вери-

лось в нее. В любом случае, я не испытывал ни грусти, ни сожалений. Я прожил всего пятнадцать лет, но это было время таких тяжких и суровых испытаний, что иной человек уместил бы все это в сто пятьдесят. Даже если мне и дадут еще сорок девять дней жизни, меня не ждет ничего светлого и радостного, и нечем будет заняться.

– Не знаю, что и сказать.

– Что значит, не знаю? Пошли вместе. Разве ты не слышал старую поговорку «Лучше валяться в собачьем дерьме, но быть живым»? Зачем отказываться от возможности пожить еще сорок девять дней? – внезапно встрял в разговор незнакомец. – Так и быть, парнишка идет со мной. – Дядька принял решение за меня.

– Он сам должен решить. Мне нужно его добровольное согласие, – отрезала Сохо.

– Ну, что же ты? Соглашайся. Ведь эта особа права: ты наверняка умер так внезапно, что не успел попрощаться с близкими. Разве тебе не тяжело от того, что не успел сделать в жизни самое главное и так неожиданно ушел? Все равно что сходить по-большому и не подтереться. Что ни говори, а попрощаться нужно, как положено.

Его слова заставили меня задуматься.

Вспомнилась бабушка. И ненавистный тип, который назывался моим братом. Им не было дела, жив я или мертв. Всякий раз, когда я попадался бабушке на глаза, она приговаривала по привычке: «Хоть бы ты сгинул с глаз долой». Она

могла сказать и более страшные слова: «И зачем ты только родился на мою голову?» Разве я просил родить меня? Вполне возможно, бабушка с нетерпением ожидала моей смерти – чтобы я поскорее сгинул с ее глаз.

А сводный братец, который старше меня на пять лет, вообще заслуживает отдельного разговора. Мало того, что он относился ко мне, как к жвачке, прилипшей к асфальту, так еще и, будучи агрессивным и часто не в духе, в любой момент мог поднять на меня руку. А уж какой он был грубиян: стоило ему открыть рот, как оттуда, словно из мусорного ведра, сыпалась отборная брань.

Все жизненные интересы брата сводились только к деньгам. В какой-то период жизни он думал только о том, где бы найти денег на шмотки, чтобы попонтоваться в ночном клубе. В последнее же время он искал средства на улучшение своей внешности. Однажды он участвовал в какой-то специальной акции, и в тот день ему поведали много нового. Например, он всю свою жизнь был уверен, что у него широкий лоб, но организаторы мероприятия убедили его, будто это начальная стадия облысения. Как победителю ему предложили вживить тысячу волосинок за полцены. Этот болван поверил, что стоит ему сделать это, как его внешность станет идеальной. Он попросил у бабушки денег, но она хорошенько, от всей души его отругала: «Даже я, старуха на восьмом десятке, не додумалась до такого, так с какой стати молодому парню, молокососу, вживлять себе патлы?»

С тех пор брат думал только о том, где бы достать денег на пересадку. Но он был не из тех, кто привык самостоятельно зарабатывать на свои нужды – видимо, боялся, что его драгоценное тело, которое он холил и лелеял, как сокровище, износится от работы.

Мой братец не мог спокойно видеть, если у меня появлялись деньги, даже какая-то мелочь. Он тут же любым способом старался у меня все выманить или просто отобрать. А еще мастерски воровал, припрятанные бабушкой заначки, при этом исхитрясь повесить вину на меня.

От одной только мысли о нем у меня заболела голова. Нет, только не домой. Какой смысл возвращаться к постоянной ругани и склокам?

– Все умирают без подготовки. Разве нет? Неужели кто-то перед смертью прощается, как положено? Зачем мне возвращаться туда, где всё бесит до смерти?

– Да что ты понимаешь, малой? Многие умирают, приведя в порядок свои дела. Не глупи и послушай меня. Как-никак, я ведь старше тебя. Не пожалеешь, – ткнул меня в бок Ачжосси.

Ума не приложу, зачем я ему понадобился?

– Времени мало. Решай быстрее, – поторопила Сохо, нахмутив лоб.

Внезапно у меня возникли подозрения на ее счет. Кто она? Можно ли ей верить? А что, если это подвох?

– Ты сам должен решить, верить мне или не верить. – Она

словно читала мои мысли.

– Так и быть, – согласился я, устыдившись своих сомнений в отношении нашей новой знакомой, и под напором выразительной мимики моего попутчика.

Если разобраться, то в возможности пожить еще сорок девять дней нет ничего плохого. Конечно, за нее придется заплатить глотком горячей крови, но ведь покойнику кровь уже не нужна. Так что фиг с ней, пусть глотнет от души.

Дядька обрадовался моему решению больше, чем сама Сохо. Знать бы, зачем он так набивается ко мне в друзья?

– Послушай, раз уж судьба нас свела, хоть Расскажи о себе. Зовут тебя Сохо, а кто ты такая и чем занимаешься? – принялся расспрашивать он после того, как все решения были приняты.

Сохо постояла некоторое время в нерешительности, покусывая свои сочные красные губы, и ровным голосом представилась:

– Лиса³.

– Кто-о-о? – удивленно приподняв брови, переспросил Ачжосси, будучи уверенным, что ослышался.

Я тоже на миг усомнился в услышанном. Но Сохо отчетливо повторила, что она не кто иной, как лиса.

³ Лиса – в восточной мифологии дух или оборотень, обычно предстает в облике красивой молодой женщины, питающейся жизненной энергией человека для совершенствования своих волшебных возможностей. Живет обычно 50-150 лет, но может прожить и дольше. Считается, что лиса получает один хвост за каждое прожитое столетие.

Она сказала, что ей нужно за тысячу лет выпить по глотку горячей крови у тысячи человек, и только тогда она станет бессмертной птицей феникс. Когда Сохо обмолвилась, что тысяча лет уже не за горами, уголки ее раскосых глаз едва заметно вздернулись.

– Раз ты говоришь, что тебе почти тысяча лет, значит, ты не простая лиса, а кумихо⁴? Никак не могу поверить, что вижу перед собой ту, о которой столько слышал. Постой, ведь девятихвостые лисы, насколько мне известно, не пьют человеческую кровь, а едят печень? – На лице моего попутчика отразилось удивление.

– Кумихо, пожирающие человеческую печень, – всего лишь обычные оборотни. Они бродят только по ночам. Я же хочу кардинально отличаться от них и стать единственной, добившейся бессмертия. Потому что я подчинила себе тьму и скоро превращусь в птицу феникс, парящую под солнцем, – она напустила на себя важность, задрав нос.

– В принципе, мне нет никакого дела, кумихо ты или нет. По большому счету, мне все равно: станешь ты фениксом или нет. Главное, чтобы ты сдержала обещание об отсрочке смерти по нашему договору. Давай, отправляй меня с пацаном в Танмандон. Мне нужно заскочить домой, чтобы пере-

⁴ Кумихо – в корейской мифологии лиса с девятью хвостами, способная превращаться в оборотня: женщину или мужчину. Ею может стать очень старая и могущественная лиса, прожившая почти тысячу лет. В легендах почти всегда играет отрицательную роль, часто соблазняет мужчин, которых потом убивает и съедает их сердце или печень.

одеться, и побыстрее встретиться кое с кем, – заторопился Ачжосси.

– Постой, тут такое дело... – Сохо задумчиво шевелила губами, словно не решаясь что-то сказать. – Вернуться к себе домой вы не можете. Ведь это будет означать воскрешение из мертвых. Я могу дать вам лишь время, но оживить вас не в моих силах. Это уже за пределами моих возможностей. Вы можете вернуться в другом обличье и в другое место, но не домой.

От злости и разочарования Ачжосси схватил ее за грудки: – Что-о-о?! Я должен вернуться не туда, где жил, а в другое место и жить с незнакомыми людьми? Да еще и с чужим лицом? Ах ты, мошенница проклятая! На черта мне нужны на таких условиях эти сорок девять дней? Уж лучше сразу умереть раз и навсегда. Ведь ты мечтаешь заполучить наш последний шанс воскреснуть из мертвых, не так ли? Хочешь купить товар, так плати за него сполна! – Казалось, что в ярости он готов поднять Сохо над головой и швырнуть наземь.

– Я не могу по своему усмотрению распоряжаться человеческими жизнями. Вы вернетесь в мир живых, сохранив прежний возраст, пол и характер, но лицо будет другим. Даже не уговаривайте меня вернуть вам прежний облик. Повторяю еще раз: это не в моих силах. Даже не пытайтесь упрашивать меня, это бесполезная трата сил. В каком месте, кроме своего дома, вы хотели бы оказаться? Это я смогу исполнить по вашему желанию. Не обязательно возвращаться к се-

бе домой со своим лицом, чтобы попрощаться с близкими.

От отчаяния мужик окончательно впал в истерику, безуспешно умоляя Сохо вернуть его с прежним лицом по нужному адресу. Он отказался от своей идеи только тогда, когда вконец утомленная лиса предложила ему забыть о сделке и поторопиться перейти реку забвения.

– Я хочу в какой-нибудь ресторан рядом с автобусной остановкой и станцией метро. Если нельзя вернуться домой, то для меня это самое комфортное место. Я ведь повар. Надеюсь, хоть это ты сможешь устроить?

В ответ Сохо кивнула и посмотрела на меня:

– А ты куда хочешь?

– Не знаю, – идти мне было некуда.

– Если тебе все равно куда, пошли со мной. Вдвоем веселее. И если окажется, что наш выбор – ошибка, тогда нам будет легче пережить разочарование.

Он честно признался, что предпочел бы оказаться обманутым за компанию, чем остаться в дураках одному. Ах вот почему он так настойчиво уговаривал меня.

– Вот тут перечислены правила, которым нужно следовать все эти сорок девять дней. Если вы нарушите их, то испытаете адскую боль, как будто вам пилят кость и вырезают плоть. Не советую доводить до такого. Я приду за вами в ночь на сорок девятый день.

Сохо вложила в мою ладонь записку и внезапно исчезла, растворившись в лунном свете.

Вот почему после смерти я оказался бок о бок с незнакомым мужиком, с которым мне придется провести сорок девять дней.

– У нас такой странный цвет лица – что у тебя, что у меня. Мы синюшно-бледные, прямо как покойники, – проворчал Ачжосси, глядя на свое отражение в окне ресторана.

– А мы и есть покойники.

– Ты о чем? Мы ведь не перешли реку забвения, отделяющую мир живых от царства мертвых. А потому мы еще не умерли окончательно. Да и Сохо говорила, что у нас пока еще горячая кровь. А это значит, мы живы. Судя по тому, что цвет лица не просто бледный, а синеватый, мне кажется, что у нас нарушено кровообращение. А может, нам просто приделали головы настоящих покойников? Ох уж эта Сохо, проклятая лиса, точно мошенница. Ведь она не сказала всю правду с самого начала, а сообщила об условиях только после того, как мы согласились. С нее станется прицепить нам чужие лица.

Приделать чужую голову к моей шее? Бр-р, даже представлять противно.

– Давайте не будем говорить об этом, а то меня в дрожь бросает.

– Честно говоря, у меня у самого мороз по коже от этих слов. Черт побери! Раз уж такой расклад, приделала бы мне лицо покрасивее. Ну что это за рожа? По сравнению со

мной прежним эту морду даже лицом назвать трудно, разве не так? – продолжал возмущаться дядька, приблизившись к оконному стеклу.

Хотя, пожалуй, сейчас он выглядел намного добрее, чем раньше, – когда напоминал бандита. Я тоже подошел к окну. В отражении на меня смотрел незнакомый мальчишка с нежным подбородком и круглыми глазами.

– А тебе-то досталось лицо получше собственного, – покосившись на меня, позавидовал Ачжосси.

Ресторан «кумихо»

– Угораздило же нас встретить аферистку. – Прочитав записку Сохо, Ачжосси не справился с приступом злости и со всей силы швырнул стул, попавшийся под руку. Тот ударился о стену, отскочил от нее и, зацепившись за стол, с грохо-

том упал на пол.

– Нельзя выходить за пределы ресторана. Разве это не слишком, а? Ну скажи мне!

Что и говорить, условие «не выходить из ресторана в течение сорока девяти дней» было вопиюще несправедливым, хотя, честно говоря, лично у меня это ограничение неудобств не вызывало, ведь я не планировал ни с кем повидаться или что-либо сделать. Но, глядя на своего товарища по несчастью, который внезапно превратился в свирепую гориллу, я был вынужден согласиться с ним.

– Да, это уж слишком, – без малейших колебаний ответил я.

– Если бы я знал, что мне придется безвылазно сидеть в ресторане, ни за что бы не вернулся. Черт побери, откуда она могла знать, что я соглашусь? Я раскусил ее по манере фамильярничать с незнакомыми людьми. Проклятая мошенница. – Он порвал записку, полученную от Сохо, на мелкие клочки.

– Вы все-таки собираетесь выйти отсюда?

– Ну, конечно. Мне нужно встретиться с одним человеком. Ведь я только ради этого и вернулся, какой мне смысл сидеть неотлучно в ресторане? – воскликнул он, сжав кулаки.

– Но ведь за этим последует адская боль...

– Что мне боль? Ну, подумаешь, умру. Ха, я ведь уже умер, неужели умру второй раз? Как-нибудь перетерплю. –

Он заиграл желваками.

Стояла глубокая ночь. Яркий лунный свет, льющийся сквозь окна, незаметно слабел и растворялся в прозрачном ночном воздухе. Сияние луны и мерцание звезд были почти невидимыми, а тьма становилась все гуще и непрогляднее, – приближался рассвет. Внезапно на меня навалилась такая страшная усталость, словно все тело вот – вот рассыпется на мелкие кусочки.

Ачжосси выглядел так, словно собирался бодрствовать всю ночь. Он без конца злился и ворчал. Я понял, что поспать уже не удастся и принялся осматриваться, изредка ему поддакивая.

Наше временное пристанище оказалось довольно приличным. Честно говоря, не просто довольно приличным, а по-настоящему шикарным. Здесь было намного лучше, чем в том доме, где я жил. Два холодильника последней модели, снизу доверху набитые продуктами; кладовка, заполненная провизией, – казалось, здесь можно пробыть безвылазно не только сорок девять дней, но и все сто. А еще имелась опрятная ванная комната с горячей водой. Единственным недостатком было наличие всего лишь одной жилой комнаты. Меня немного напрягала перспектива делить комнату с чужим мужиком, но в крайнем случае я мог ночевать в зале ресторана. Это меня совершенно не пугало.

Спрашиваете, кто я такой?

Меня зовут Ван Доён и целых одиннадцать лет я был сы-

ном своего отца, вплоть до его преждевременной смерти от приступа белой горячки.

В те дни, когда отец возвращался домой пьяным, мне приходилось убегать и ночевать на улице, укрываясь утренней росой. А поскольку отец пил почти каждый день, улица для меня стала привычной дома. Я великолепно приспособился к ночевкам на открытом воздухе.

– А ты почему умер? – поинтересовался Ачжосси, выпив залпом стакан воды, – видимо, устал злиться.

– Что?

– Я спрашиваю, почему ты умер?

Ах да, я ведь умер. Ну надо же, напрочь забыл об этом.

– Кажется, это случилось со мной, когда я катался на мопеде. Последнее, что я помню, – как несусь наперегонки с ветром. Какой кайф! Обалденно!

– Ты что, курьером подрабатывал?

– Нет, меня не брали на подработку из-за низкого роста. Говорили, я похож на младшекласника.

– Ну да, у тебя очень короткие ноги, поэтому ты кажешься меньше ростом. В человеке очень важны пропорции. Даже высокий человек с короткими ногами выглядит ниже, а невысокий с длинными ногами – выше. Я тоже принял тебя за младшекласника, когда впервые увидел. Но присмотрелся повнимательнее и понял, что лицо-то у тебя слишком старое. Если судить о возрасте только по лицу, то ты и за студента сойдешь.

Черт побери! Ну и наглец! Есть же куча вежливых выражений! Мог бы сказать, что я кажусь старше своего возраста. Разве обязательно говорить, что я выгляжу старым?

– Ты почему ехал на мопеде? Детям опасно ездить на нем.

– Долгая история, – отмахнулся я, решив, что нет необходимости рассказывать, как я катался на ворованном мопеде. Ведь я угнал его со стоянки ресторана, который держит отец моего друга Сучана. Не хватало еще, чтобы этот посторонний мужик, наши пути с которым разойдутся через сорок девять дней, считал меня воришкой.

– И что с того, что долго? Рассказывай, нам спешить некуда. Ведь у нас впереди целых сорок девять дней, – казалось, что дядька немного успокоился.

– А вы как умерли?

– Мне кажется, со мной тоже произошел несчастный случай. Последнее, что я помню, – как я еду на машине, выслеживая кого-то.

– Выслеживая? Вы полицейский?

Выходит, он соврал про шеф-повара? Как хорошо все-таки, что не я рассказал про угнанный мопед. Чуть сам не признался полицейскому, что я вор. Вряд ли покойник по-тащит меня, мертвого, в полицию. Но если он убежденный борец за справедливость, то, скорее всего, будет выносить мне мозг, упрекая при каждом удобном случае. Ведь многие взрослые снимают стресс на детях под маской благородного слова «воспитание». А если человек вдобавок по профес-

сии полицейский, то у него будет не одна маска, а целых две. Взрослый, да к тому же полицейский! Бр-р, даже подумать страшно.

– Нет, не полицейский.

– А кто тогда? И зачем вы следили за кем-то, если не полицейский?

– Давай поговорим об этом как-нибудь в другой раз. Куда нам торопиться? У нас впереди куча времени. Давай лучше немного поспим перед началом завтрашнего дня.

Ачжосси отправился в спальню, но я не последовал за ним. Мне казалось, так будет лучше. Да и он сам не позвал меня. По крайней мере, его поведение меня не напрягало. Было бы хуже, если бы он обращался со мной слишком ласково. От мысли о том, что в этом плане у нас с ним полное взаимопонимание, на душе стало спокойнее.

Я составил вместе пять столиков в зале ресторана и улегся на них. Чтобы согреться, скрестил руки в подмышках и свернулся клубком.

Густая чернильная тьма незаметно проникала с улицы, заполняя собой все пространство. *У-у-у!* – завывал ветер. В унисон ему дрожали оконные стекла. Внезапно мое сердце сковал жуткий могильный холод. Неужели я на самом деле умер? Холод сменился противным липким страхом. Поскорее бы закончилась ночь, которая имеет магическую власть превращать маленькие страхи в безумие ужаса. Я изо всех сил старался уснуть под ритмичную дрожь оконных рам.

Разбудил меня аппетитный запах, доносившийся из кухни. Мой вчерашний попутчик ловко колдовал над кастрюлями и сковородками. Все его движения были привычными ему и оттого уверенными.

– Я отлучусь после завтрака, – сообщил он, поставив на стол нечто аппетитное на идеально белой тарелке... Еда, названия которой я не знал, выглядела шикарно. Нет, словом «шикарно» не передать впечатление от этого незнакомого мне блюда из овощей. Мне казалось, оно излучает сияние, а на вкус – безупречно, почти само совершенство.

Этот завтрак кардинально отличался от моего привычного приема пищи – обычно я ел что-нибудь жареное, тушеное или вареное прямо из кастрюли или сковороды, поставленной на пол. Неужели я достоин, чтобы меня так обслуживали? Меня охватило волнение от торжественности момента, словно я был приглашен на банкет, и одновременно страх – как будто я занял чужое место.

Увидев Ачжосси впервые, я обратил внимание на его «бандитский» вид. Если бы он тогда сказал, что работает с ножом, то мое воображение нарисовало бы всевозможные сцены насилия с его участием. Наверное, поэтому, когда он представился Сохо поваром, та пропустила его слова мимо ушей, не придав им значения.

Я не стал отговаривать Ачжосси от вылазки из ресторана. Видел, что он упрямый, вряд ли мои уговоры смогли бы

удержать его от затеи. Ну и на самом деле мне было даже немного любопытно, насколько невыносима адская боль, о которой предупреждала Сохо. Если дядька готов испытать ее на себе, я только поблагодарю его. Ведь если боль за непослушание окажется вполне терпимой, то и мне глупо терять в этих стенах отпущенное время. Мопед! Надо будет погонять на мопеде. Хочу носиться на нем всю ночь напролет, до изнеможения, до тех пор, пока не появится ощущение, что сердце вот-вот выскочит из груди. Я уверен, это принесет мне чувство свободы и полета.

– Вымой посуду. Я приготовил еду – ты вкусно поел, значит, вымой посуду. Так будет справедливо.

Я и сам подумал об этом, закончив с завтраком. Но от этих его слов намерение мое почти испарилось.

Я недовольно гремел посудой в мойке, когда послышался скрип перекошенной деревянной двери, – это ушел Ачжосси. Помыв посуду, я улегся на сдвинутые столы. Было любопытно, в каком же состоянии он вернется. От этого будут зависеть мои дальнейшие сорок девять дней.

Яркий дневной свет бесцеремонно проникал сквозь широкие окна. Солнечные лучи удлинились и дотянулись до столов. Я как гусеница, медленно отползал в тень, скрываясь от надвигающегося солнца.

Именно тогда это и случилось.

Тук-тук – раздался громкий звук у входа. С улицы в приоткрытую дверь ворвалось солнце. Яркий свет, вмиг упав-

ший на лицо, не позволял открыть глаза и что-либо разглядеть. Пытаясь спрятаться от ослепительных солнечных лучей, я повернулся набок. И только тогда смог разглядеть человека, стоящего на пороге.

– Вы работаете?

К нам пожаловала женщина с длинными кудрявыми волосами – настолько густыми, что они напоминали заросли диковского кустарника. От одного ее вида стало беспокойно и тоскливо на душе. Постой-ка, это лицо? На миг показалось, что я где-то уже его видел, но никак не мог вспомнить, где.

– В каком смысле?

– Это ресторан?

Ах, да. Здесь же ресторан.

– Мы завтра открываемся. Внутреннюю отделку еще не закончили, – от неожиданности я не сразу сообразил, что соврать.

Женщина пригладила растрепанные волосы, окинула взглядом зал и вышла со словами:

– Какое чистенькое заведение.

Значит, снаружи уже висит вывеска?

Я посмотрел в окно и, убедившись, что женщина ушла, выбрался на улицу. Поскольку я не отходил далеко, значит я не нарушал правила, о которых предупреждала Сохо. При дневном свете здание выглядело старым, но опрятным.

Ресторан «Кумихо» – гласила вывеска, слишком большая для такого низкого одноэтажного строения. Ну-ну, логово

тысячелетней лисы – худшей рекламы и не придумаешь! Ко всему прочему еще и буквы на вывеске кроваво-красного цвета. У меня появились подозрения:

– «Кумихо»? Почему у ресторана такое откровенное название? Может быть, в этом есть какой-то подвох?

Я немного постоял снаружи, разглядывая вывеску, а затем вошел внутрь. Может, Ачжосси прав, утверждая, что мы нарывались на отпетую мошенницу? Я всегда думал, что с меня нечем поживиться, а значит, плохие люди мне не страшны. Но, как говорится, раз не бывает абсолютно бесполезных людей, то и я могу представлять какой-то интерес для мошенников.

Вскоре входная дверь снова открылась и вошла сторбленная старушка, одетая в красный свитер. Ее полностью седые, без единой черной пряди, волосы были пострижены под каре.

– Мы интерьер не доделали, откроемся завтра, – быстро сказал я, лишив посетительницу возможности хоть что-то сказать.

– Ах, вот как. А что у вас в меню? – Старушка сделала еще шаг и осмотрелась по сторонам.

– Меню?

– Что вы будете готовить для посетителей?

– Все, что хотите, – снова поспешно соврал я.

– Все, что хочу? Это мне нравится. Надо будет обязательно заглянуть сюда еще раз.

После ухода старушки я закрыл изнутри входную дверь и сразу почувствовал умиротворение. Я сладко потянулся и привычно лег ничком на сдвинутые столики. Солнце согрело спину, растопив своим теплом последние крупницы тревоги, на душе стало удивительно спокойно.

Не знаю, сколько я проспал. Когда я открыл глаза, внутри уже потихоньку пробралась темнота. Ачжосси до сих пор не вернулся. Интересно, где он и чем занимается.

Я начал понемногу беспокоиться. А вдруг боль, о которой предупреждала Сохо, оказалась намного страшнее, чем мы себе представляли? Если с ним что-то случится, мне вовсе не хочется находиться здесь в одиночестве все отпущенное время. Знал бы, что так получится, заранее спросил бы, как можно вызвать Сохо в экстренных случаях.

Тьма торопливо заполняла собою ресторан. Далеко за окном простиралась ночная улица, еще более яркая, чем днем.

Я сидел в темноте, обхватив руками колени и уставившись в окно. К ресторану нетвердым шагом приближалась черная тень. Сердце мое ушло в пятки – мне показался знакомым силуэт, размахивающий руками и еле передвигающий ноги. Наверняка это мой товарищ по несчастью. Но почему он еле бредет?

Тук-тук-тук. Шлёп. На входе одновременно со стуком послышался глухой звук падающего тела. Я осторожно приоткрыл деревянную дверь, за которой, скрючившись, сидел Ачжосси и нелепо махал руками. С трудом мне удалось его

поставить на ноги. Он едва мог стоять, и как медуза, колыбался всем телом, словно у него не было костей.

– Такое ощущение, что мне отрывают пальцы ног, – еле слышно прохрипел он и потерял сознание.

Как встретить нужного человека

Прошла ночь, Ачжосси пришел в себя только после обеда следующего дня. Он очнулся, но не мог говорить. Видно было, что он чем-то сильно напуган.

– Ты ведь умеешь готовить яичницу? Пожарь мне глазу-

нюю, – голос у него был хриплым и надтреснутым.

Он молча поел и, судя по его блуждающему взгляду, продолжал пребывать в глубоких раздумьях.

Вокруг висело тяжелое и вязкое молчание, – такое продолжительное, что в конце концов стало невыносимым. Мне было страшно. Что случилось с Ачжосси? Значит, и меня может поразить подобная боль? И что нас с ним ждет впереди?

– Думаю, нам лучше не выходить наружу, – после долгого молчания выдавил дядька.

На его лице уже не было того радостно возбужденного выражения, с которым он покидал ресторан.

– Ачжосси...

– Перестань! – испуганно вскрикнул он. – И не спрашивай меня ни о чем! Не хочу сейчас об этом говорить. Это невыносимо страшная боль. Так что не выходи отсюда. У нас осталось сорок с лишним дней. Я потом расскажу подробности, когда немного приду в себя.

Боль и ужас, тлевшие в его глазах, разгорелись с новой силой. Мое сердце на миг сжалось от страха.

– Ым-м-м... – спустя некоторое время раздался мучительный стон, дядька держался обеими руками за голову.

– У вас что-то болит?

– Да я не от боли. Уф-ф... Я думаю, что же мне теперь делать. Я без малейших колебаний продал возможность ожить только по одной единственной причине. Но ее нельзя осуществить. А-а-а-а... – Его стон был полон отчаяния. – Я все ду-

маю о том, как потратить отпущенное мне время, если нельзя выходить отсюда. Но моя голова словно в тумане, ничего не приходит на ум, – продолжал мучиться Ачжосси.

За окном мелькнули тени прохожих. Тогда я вспомнил людей, которые заходили на днях.

– К нам заходили клиенты, спрашивали, работаем ли мы. Что им сказать, если придут опять? Может, нам лучше закрыться изнутри? Вы же сейчас не в том состоянии, чтобы готовить еду для посетителей? Да и зачем нам работать в поте лица, если деньги не на что тратить. В конце концов, когда мы уйдем отсюда, нам уже больше ничего не понадобится.

Ачжосси медлил с ответом.

– Давайте я закрою дверь? – предложил я.

– Погоди, – ответил он, все так же обхватив голову ладонями.

Спустя какое-то время он опустил руки и сел, выпрямив спину:

– Давай торговать едой.

– Что?

– Давай готовить еду. У нас полно всяких продуктов, можно готовить все, что угодно. Вот я и говорю – давай стряпать для посетителей. Я буду готовить, а ты убирай помещение и обслуживай клиентов.

– Зачем нам трудиться? И что вы будете делать с деньгами?

– Я собираюсь делать это не ради денег.

– А ради чего?

– Я тут подумал и решил, что другого способа нет. Как еще можно привлечь людей, не выходя за пределы ресторана, кроме как не готовя для них вкусную еду? Я, между прочим, шеф-повар, и очень даже неплохой. Люди, попробовавшие хоть раз мою стряпню, не могут забыть ее вкус. Наверняка наш ресторан станет популярным, и все будут стоять в очереди, чтобы попасть к нам. Рано или поздно и тот, с кем я должен встретиться, придет сюда. Он ведь гурман, привыкший к моей кухне. Он непременно придет сюда. Да, лучшего способа и не придумать! – Ачжосси вскочил с места и пошел на кухню. Он начал суетливо открывать холодильники и осматривать их содержимое.

Я сгорал от любопытства, кто же этот человек, с которым мой напарник так неистово желает встретиться. Но вряд ли это удастся узнать, ведь Ачжосси каждый раз уходит от расспросов, обещая рассказать обо всем попозже и ссылаясь на то, что для этого у нас впереди много времени.

Мы готовились к открытию всю ночь. Мой напарник уже составил меню и занимался заготовками для завтрашнего дня. Я под его руководством написал и повесил на стену названия блюд, а у входной двери поставил табличку: «Мы открылись». В меню не было ни одного знакомого мне названия.

– Кто знает, может быть человек, которого ты хочешь увидеть, тоже придет сюда. Так что не думай о тяжелой работе, –

утешил он меня, словно извиняясь за то, что заставляет трудиться.

– А я никого не хочу видеть. Я как раз думаю, что так даже лучше получилось, что я умер.

– Серьезно? В таком случае, зачем ты согласился остаться в этом мире на сорок девять дней? – Глаза Ачжосси округлились от удивления.

Ну и ну, кажется, он совсем забыл, как настойчиво уговаривал меня вернуться в мир живых вместе с ним. Может быть, эта чертова боль отшибла ему память?

– Вы же сами уговаривали меня составить вам компанию. Чтобы не остаться в дураках одному, – напомнил ему я.

Только тогда он кивнул головой и улыбнулся. Улыбка на его иссиня-бледном лице выглядела жутковато.

– Раз уж так вышло, ты все-таки подумай, с кем бы тебе хотелось увидеться.

– Ни с кем, тут и думать нечего.

– Ты не хочешь увидеть родителей? Подумай хотя бы о них. Ты ведь тоже жил в этом районе? Вероятность встретить их высока. Хоть тебе и не хочется, но после встречи ты наверняка будешь думать иначе. Таковы отношения отцов и детей. Мы равнодушны к родителям и видим только их недостатки, потому что всегда находимся рядом. Иногда они даже кажутся нам врагами. Но в основе этих взаимоотношений всегда лежит любовь.

– Родители... У меня их нет.

– Правда?

Руки Ачжосси, крошившие зеленый лук, замерли.

– Мне было четыре года, когда мать ушла из дома, не выдержав побоев отца. После этого ни разу не позвонила, потому я не знаю, жива она или нет. Но, даже если и жива, мне не очень-то и хочется видеть ее. Мне было всего четыре, и я ничего не помню, отец сам рассказал обо всем. Ну разве не смешно? Как будто этим можно гордиться – побоями выгнать человека из дому. Он так сильно пил, что заболел и умер, когда я учился в четвертом классе. Хотите спросить, с кем я жил? До женитьбы на моей матери у отца была другая семья и сын. Сводный брат старше меня на пять лет и самый настоящий хулиган. Вместо того, чтобы хоть как-то заработать денег, думает лишь о том, как потратить их. Чуть что – ругается и распускает руки. Да и бабушка не лучше: постоянно злится и ворчит, а «сгинь с глаз моих» – вообще ее любимая фраза. Я был для них козлом отпущения, которого бьют, когда больше не на ком сорвать злость. В основе лежит любовь, говорите? Это не про нашу семью. Я больше не хочу их обоих видеть. Будет только хуже, если я встречу бабушку. Ведь я угнал чужой мопед и разбился на нем. Ежу понятно, что мопед всмятку, а ей, небось, пришлось выплатить владельцу всю его стоимость. Нет, если бабушка меня увидит, она сотрет меня в порошок. – Я испуганно помотал головой.

С ее-то характером еще и не такого можно ожидать.

Ачжосси слушал, безучастно поглядывая на меня. Ой, я ведь проболтался, что угнал мопед.

– Хочу предотвратить ваш дальнейший вопрос про друзей. У меня их просто нет. Мне привычно быть в одиночестве. Я один ходил в школу, один возвращался домой, один обедал в столовой. Хотите спросить, не был ли я изгоем? Может быть, кому-то покажется именно так. Но я так не думал. Если человек считает себя изгоем, значит, хоть чуть-чуть, где-то в глубине души он хочет общаться со сверстниками. Но мне было хорошо одному, так что я никогда не думал об этом. Впрочем, если кто-то доставал меня, я не давал ему спуска, дрался не на жизнь, а на смерть, чтобы отбить последнюю охоту меня задирать. Хотя я и маленький, но, когда отчаянно дерешься, неизвестно откуда появляются силы.

Дослушав меня до конца, Ачжосси принялся крошить оставшийся лук.

Я рассказал о себе все подробности, чтобы заранее пресечь его дальнейшие расспросы. Это был намек: «Прошу больше не приставать ко мне с личными разговорами. Терпеть их не могу. Про мою тяжелую судьбу невозможно ни рассказывать, ни слушать с улыбкой на лице. Это настоящая пытка и для меня, и для собеседника. Ачжосси был не глуп и не стал больше задавать лишних вопросов.

– Раз уж так вышло, будем считать, что я помогаю вам. Мне-то, собственно, ничего не нужно здесь. Пусть я сделаю доброе дело перед тем, как окончательно покину этот мир.

Делайте, что вы хотите. Я помогу всем, чем смогу. – Я говорил искренне.

– Ну, раз ты так решил, спасибо тебе. Эх, как было бы здорово, окажись у нас улитки. Улитки во фритюре – настоящий деликатес! – вздохнул дядька, изучая содержимое морозилки. – Он их обожает. И если услышит, что здесь подают это блюдо, то обязательно придет. И молока нет. Если обмакнуть ломтик хлеба в молоко, а затем в яйцо, обжарить в масле и полить кисло-сладким соусом для свинины во фритюре – м-м-м... пальчики оближешь. Это тоже одно из его любимых блюд.

Я не знал, о ком говорит шеф, но, судя по тому, что он знает и хочет приготовить для него все его любимые блюда, этот человек ему был очень дорог.

– А можно спросить, о ком вы говорите?

– Нет, – резко ответил он. Причем так категорично, что меня это задело.

– Не очень-то и хотелось знать, – огрызнулся я.

– Я расскажу тебе как-нибудь попозже. Ведь у нас впереди больше сорока дней.

Так я и знал.

Закончив с заготовками для завтрашнего дня, Ачжосси остановился перед зеркалом с обеспокоенным видом:

– Эх, придется готовить блюда в штанах с отвисшими коленками и в растянутой футболке. Знал бы, что так получится, вышел бы на слежку в одежде шеф-повара. Эх, вот бы

вернуться в тот последний день, оделся бы попримечнее.

После этих слов я обратил внимание на свою одежду. Мой прикид был не лучше: синие штаны, доставшиеся от старшего брата, трижды подвернуты на поясе; верх от тренировочного костюма великоват и сидит мешком. В день моей смерти мой родственничек как раз стырил у бабушки деньги, а мне так влетело от нее, что я выбежал из дома в чем был, не успев переодеться.

– Бог с ней, с одеждой. Хоть бы уж тогда новое лицо мне понравилось. Ну что это за рожа? Такая мерзкая, что вообще не вызывает симпатии. А что, если ее размять, может, хоть капельку порозовеет?

Ачжосси начал нещадно тереть лицо, но цвет его ничуть не изменился. Скрипя зубами от злости, он принялся снова проклинать Сохо:

– Ну что за безмозглая лиса. Ведь я же сказал ей, что я повар, и попросил отправить в ресторан. Можно было догадаться, что я буду готовить еду и подавать ее посетителям. Могла бы придумать лицо, более подходящее для ресторана.

Он повозмущался еще какое-то время и вдруг радостно улыбнулся во весь рот:

– Знаешь, я так волнуюсь при мысли, что смогу встретить этого человека вновь. За это я даже благодарен Сохо.

Боже мой... может, он псих? То злится, то смеется.

Гламурное меню

Первой гостьей нашего ресторана оказалась лохматая женщина, заходившая вчера. Выглядела она очень изможденной: опухшее бледное лицо без единого намека на здоровый румянец, покрасневшие глаза, еще более растрепанные

волосы.

«Где же я мог ее видеть? У нее такое знакомое лицо».

Изучив скромное мономеню⁵ на стене ресторана, она не сумела скрыть разочарования:

– А нет ли у вас горячего супчика? Мне бы согреться, – призналась гостя, теребя длинным худым пальцем подбородок.

Казалось, что ее сухая шершавая кожа заскрипит от прикосновения пальца. Если ей холодно в такую погоду, вне сомнения, она нездорова.

Я помедлил в нерешительности.

МЕНЮ

– *Сливочная нежность*

– *Красный окунь во фритюре под кисло-сладким соусом*

– *Суп из сладкого картофеля*

– *Ягодное желе*

Мне не доводилось пробовать ни одно из блюд нашего меню, поэтому я понятия не имел, какое из них порекомендовать госте. Может быть, суп из сладкого картофеля? Раз в названии есть слово суп, вполне возможно, что он горячий.

Ачжосси, наблюдавший за мной из кухни, поспешил к нам.

⁵ Мономеню – часто встречается в корейских ресторанах, которые предлагают посетителям авторские блюда или специализируются на приготовлении одного или нескольких общеизвестных блюд.

– Попробуйте «Сливочную нежность» – это горячее первое блюдо, – радушно предложил он.

– Я хотела острый суп, который согрел бы меня до самых костей. Мне очень холодно. А «Сливочная нежность» острая? – поинтересовалась посетительница.

– Я приготовлю на ваш вкус. Вы хорошенько вспотеете от него.

Гостья, не раздумывая, сделала заказ.

Я положил перед ней ложку, вилку и палочки, при этом украдкой пытаюсь ее рассмотреть. Какое все-таки знакомое лицо. Я прожил в этом районе около пятнадцати лет. Наверняка, встречал ее где-нибудь на улице.

– А почему ресторан называется «Кумихо»?

– Что? – растерялся я от неожиданного вопроса.

– Почему вы назвали ресторан «Кумихо»? Может, для этого есть какая-то причина?

Конечно есть. Потому что его открыла тысячелетняя лиса. Но как сказать ей об этом?

Я кинул встревоженный взгляд в сторону кухни. Ачжосси был по уши занят стряпней.

– Ээ... я и сам не знаю. Отец придумал такое название.

Через некоторое время появился повар с огромной тарелкой беловатого бульона, в котором плавали загадочные комочки.

– Уважаемая, несмотря на то, что блюдо выглядит как молоко, оно острое на вкус. – Он торжественно поставил на

стол тарелку со «Сливочной нежностью».

Даже бросив на Ачжосси беглый взгляд, я заметил, как по-чтительно, но с чувством собственного достоинства, он обращается с посетительницей, – не иначе как результат многолетней привычки. Не знаю, где он работал при жизни, но наверняка в каком-то респектабельном ресторане при пятизвездочном отеле.

– М-м-м, какой насыщенный вкус. Я начинаю согреваться, – восхитилась женщина, попробовав бульон.

На губах Ачжосси мелькнула улыбка.

– Кстати... – Она обратилась к нему в тот момент, когда он собирался вернуться на кухню, – а почему у вашего ресторана такое название?

Ачжосси заметно вздрогнул. В короткий миг на его лице отразилась буря эмоций.

– Гм-м... – прищурившись, он сосредоточенно прикусил нижнюю губу. – Все очень просто. С раннего детства я любил легенды про кумихо. Они были такие захватывающие, что их хотелось перечитывать снова и снова. Став поваром, я решил, что если когда-нибудь открою свой ресторан, то обязательно назову его «Кумихо». Ха-ха-ха, как банально, не правда ли? – захохотал Ачжосси, запрокинув голову.

Эх, не надо ему так громко смеяться. Бледное с синеватым отливом лицо и этот громкий смех совсем не гармонировали друг с другом. О какой гармонии речь, когда сам смех его звучал удивительно непристойно.

Нахмурившись, гостья взглянула на него.

– Хм, приятного вам аппетита! – шеф сделал серьезное лицо и поспешил удалиться на кухню, а вскоре вернулся оттуда с тарелкой салата в качестве комплимента от заведения.

Посетительница с удовольствием съела суп и салат. Когда она собралась расплатиться за еду, Ачжосси замахал руками:

– Вы наша первая посетительница. Платить не надо. Просто порекомендуйте нас вашим знакомым. Как можно большему числу людей. Не забудьте сказать, что в нашем меню есть блюдо под названием «Сливочная нежность». Его готовят только в нашем ресторане. Я сам придумал его рецепт.

Его слова приятно удивили женщину. Перед уходом она раз десять повторила, что всем будет нахваливать наш ресторан.

Следом пожаловала старушка с седым каре, которая приходила вчера.

– Вы уже определились с меню? Разве вы не говорили, что можете приготовить все по желанию клиента? – нахмурила она лоб.

– Что желаете? Я приготовлю для вас любое блюдо, которое можно состряпать из имеющихся у нас продуктов, – не задумываясь, пообещал Ачжосси.

– Хочу тушеную пророщенную сою. Приготовьте ее без морепродуктов. Я давно ее хочу, но найти ресторан, где ее правильно готовят, очень трудно. Почему-то везде ее подают с большим количеством разных моллюсков.

– Нет проблем, – ответил Ачжосси без малейшего сомнения.

– А почему ваш ресторан называется «Кумихо»? – спросила старушка в ожидании своего заказа.

– Шеф-повар в детстве очень любил истории про кумихо, – повторил я слова Ачжосси.

Посетительница молча покивала головой.

– А ты подрабатываешь здесь? – спросила она через некоторое время.

– Нет, помогаю отцу.

– Конечно, в такие трудные времена, как сейчас, лучше всего работать всей семьей, чем нанимать людей со стороны. Если содержать работников, вся прибыль будет уходить только на них. Это вы хорошо придумали. Я ведь тоже раньше держала ресторан.

В ожидании заказа седая старушка без умолку рассказывала о том, как в давние времена держала забегаловку, где готовила блюда из курицы. Она подавала посетителям всевозможные куриные деликатесы, поэтому ее заведении и днем и ночью толпились посетители. Бедняжка так намучилась в те времена, что до сих страдает от артрита.

– Было бы не так обидно, если бы я разбогатела. А то еду продавала так дешево, что почти никакой прибыли не получала. А поскольку от посетителей не было отбоя, то приходилось нанимать много работников. Так почти вся прибыль уходила на издержки. – Время от времени старушку пере-

дергивало от неприятных воспоминаний. – Самая тяжелая работа на свете – это торговать едой.

Мне уже наскучило поддерживать с ней разговор, но как раз подоспел ее заказ.

– Ну надо же, повар такой бледный и измученный, словно умирает от голода, а готовит превосходно. Впервые ем такую вкусную сою, – нахваливала бабулька, без остановки набивая свой рот.

– Сегодня мы угощаем бесплатно в честь открытия заведения, – замотал головой Ачжосси, когда старушка вытащила откуда-то из-за пояса и протянула ему замусоленную пятидесятитысячную купюру.

– Ой! Разве можно не брать деньги за такое вкусное блюдо? – Она явно была тронута до глубины души, так же, как и лохматая женщина.

– Взамен просто разрекламируйте нас. И обязательно говорите всем, что здесь готовят «Сливочную нежность».

– Сли... сливочную, простите, чего?

– «Сливочную нежность». Непривычное название, неправда ли? Но если его повторить несколько раз, оно быстро запомнится. Если вы будете всем рекомендовать наше заведение, я буду готовить все, что пожелаете, – с этими словами Ачжосси написал на бумажке «Сливочная нежность» и вручил ее госте.

– Спасибо вам, конечно, за такую вкусную еду, да еще и бесплатную. Но, мне как-то неудобно. У вас такое лицо...

Мне кажется, вы очень нездоровы. – Старушка не спешила покинуть ресторан, продолжая обеспокоенно глядеть на него.

– Это я нездоров? – Он ткнул пальцем в свое лицо.

– Ну да, что вы, что ваш сын. У вас обоих такой больной вид, что мне как-то неудобно. Даже не знаю, можно ли воспользоваться вашей добротой?

– Все в порядке. Мы с сыном здоровы, как кони. Так что не беспокойтесь о нас, а лучше сделайте нам рекламу. – Ачжосси подкрепил свои слова наигранно лучезарной улыбкой.

– Так и быть. Я всем расскажу, что здесь не только вкусно готовят, но и очень гостеприимны и доброжелательны. В следующий раз приду с подругами.

Прощаясь, сходя старушка то и дело заглядывала в буфет с непривычным для нее названием «Сливочная нежность».

Не прошло и получаса после ее ухода, как появились следующие гости – две женщины с кричащим макияжем и множеством колец и цепочек. Одна из них, одетая в желтую блузку, напрямик направилась в дамскую комнату.

– Эй, – усевшись за столик, поманила меня пальцем ее спутница в зеленой рубашке. – Что такое «Сливочная нежность»? Это изысканное блюдо?

– Да, изысканное.

«Сливочная нежность», которую я и сам сегодня увидел впервые, действительно выглядела дорого благодаря нежно-

му цвету, а еще аппетитно пахла.

– Да? А на вкус?

– Что-то типа супа. Если любите поострее, можем приготовить с перчинкой.

– А оно как на вид? Дорого? Я имею в виду, не выглядит, как дешевый фастфуд?

– Вовсе нет.

В этот момент подошла ее подруга в желтом.

– Давайте закажем «Сливочную нежность». Я уже ела это блюдо, путешествуя по Европе. Гм-м... дайте-ка вспомнить. Ах, да. Это было в Чехии, в Праге. Прекрасное блюдо в прекрасном городе. Изысканный суп с замечательным пикантным вкусом, – с легкой улыбкой похвасталась гостя в зеленом.

Как же складно она врет!

– Ой, вы так много знаете о еде, наверное, потому что много путешествуете. Закажите на ваше усмотрение. – Собеседница положила на ее вкус.

– Хорошо, – дама в зеленом высокомерно подняла подбородок и поманила меня пальцем. – Нам обеим по «Сливочной нежности».

Не знаю, к чему она произнесла слова «Сливочная нежность» таким противным гнусавым голосом. Может быть, пыталась изобразить из себя итальянку?

В ожидании заказа дама в зеленом без конца хвасталась тем, в каких местах побывала во время путешествий. По ее

словам, она летала только бизнес-классом, останавливалась в семизвездочных отелях и ела в самых знаменитых ресторанах. Вряд ли кто-то, кроме олигархов, сможет позволить себе путешествовать с таким размахом.

Спутница, кивая головой, слушала ее с серьезным и внимательным видом.

– Я же говорю вам: если купите тот участок земли, он за год поднимется в цене в четыре раза. Тогда вы тоже сможете путешествовать, как я. Поверьте мне. Попросите отца отдать вашу часть наследства при жизни. Почему он держит при себе весь капитал?

– Вот-вот! Он держит его в своих руках и не отдает. Боюсь, у него нет ни капли любви к детям. Мне кажется, он не сказал нам ласкового слова даже в детстве, – по лицу женщины в желтом пробежала легкая тень.

Когда пришло время расплачиваться за еду, гостя в зеленом, старательно изображавшая из себя богатую и успешную, упорно делала вид, что смотрит в зеркальце.

– Сегодня мы обслуживаем бесплатно в честь открытия, – сообщил Ачжосси, когда женщина в желтом собралась оплатить счет.

– Да вы что! Разве можно такую изысканную еду раздавать бесплатно? – радостно воскликнула та.

– Она не настолько вкусная, как в Праге, – соизволила вступить в разговор другая.

Шеф покосился на нее. Заметив его бледное лицо и мрач-

ный взгляд, та испуганно повела плечами.

– Порекомендуйте наш ресторан своим знакомым. Обязательно расскажите всем, что у нас готовят «Сливочную нежность», – попросил Ачжосси, медленно отводя тяжелый взгляд от посетительницы в зеленом.

– Непременно, обязательно. Дайте карточку вашего ресторана с адресом и телефоном.

– У нас нет карточки. Да она и не нужна, нас легко найти. Станция метро «Канду», пятый выход, пятьдесят метров прямо.

Дама в желтом ушла из ресторана необычайно довольная, пообещав порекомендовать нас знакомым.

После обеда небо заволокло темными тучами, а вскоре по стеклу застучали капли дождя. Ачжосси стоял у окна, задумчиво глядя на улицу. Мимо станции метро торопливо снова ли прохожие.

– Знаешь, я ведь чуть не вышвырнул эту бабенку в зеленом, когда они ели. С трудом сдержался. Больше всего на свете терпеть не могу людей, которые врут. Просто ненавижу их. Эта особа так непринужденно врала с совершенно бессовестным видом. И при этом в ней столько тщеславия. Сразу видно, она хочет развести на деньги свою спутницу. Нужно быть осторожным, когда в твоём окружении появляются такие люди. Они могут пустить по миру не только тебя, но и твоих родителей. Все-таки хорошо, что я сдержался. У нас не так много времени, а чтобы от посетителей отбою не бы-

ло, нужна хорошая репутация. Ах, да... – оглянулся он, будто вспомнив о чем-то.

– Пойди в комнату, посмотри, есть ли там календарь. Нет, давай я сам схожу. – Он метнулся в спальню. – Календаря нет. Но мы можем воспользоваться вот этим.

Ачжосси повесил на стену листок бумаги.

– Сегодня третий день из отведенных нам сорока девяти.

Он нарисовал три кружка на бумаге. Посетители сегодня больше не приходили.

Так прошел третий день из отпущенного нам срока.

Неожиданная встреча

Старушка с каре привела с собой подружек – всех, как на подбор: таких же сгорбленных и седых, а еще очень говорливых. Блюда, которые они выбрали, были мне незнакомы: тушеная пророшенная соя; густой соевый суп, состоящий толь-

ко из одной соевой пасты; тушеная картошка без добавок. Как я понял, старушки, вспоминая голодное детство, заказывали то, что состояло из одного продукта. Восхищаясь насыщенным вкусом, они с аппетитом уплетали еду, приготовленную шефом.

Умирая от любопытства, украдкой всё это попробовал и я. Мои ощущения невозможно описать одним словом. Вкус у этой пищи был невыразительный. Как же так? Возможно, бедняжки уже не ощущают его так, как раньше?

Неожиданно я вспомнил бабушку. Оказывается, у нее с возрастом возникла такая же проблема. Она постоянно жаловалась, что с каждым годом вкус все больше притупляется: один похож на другой, всё труднее их различать. Бабушка даже солила пищу кое-как: сегодня суп недосолен, а завтра настолько пересолен, что невозможно было его есть.

Ачжосси приготовил блюда именно так, как просили подруги седой старушки и опять не стал брать деньги за заказ. Взамен он вновь попросил порекомендовать наш ресторан и обязательно упомянуть «Сливочную нежность». Старушка с каре искренне пообещала отблагодарить за бесплатное угощение. Уже несколько дней подряд она пыталась запомнить название этого блюда, усердно его повторяла, но тут же забывала. Ее подруги тоже записали его на ладони, чтобы не вылетело из головы.

Видимо, благодаря стараниям седой дамы, в наш ресторан

повалили посетители. Они прибавлялись и прибавлялись, и нам с Ачжосси приходилось работать все больше и больше. Он почти не выходил из кухни, а я один и обслуживал гостей, и стоял на кассе, и занимался уборкой.

Хоть и занятый готовкой, шеф время от времени поглядывал на посетителей, и всякий раз на его лице отражалась угрюмая тень разочарования.

В кассе мы держали наличные, а безналичные суммы попадали неизвестно на чей счет. Когда касса наполнялась, шеф пересыпал деньги в мешок и относил его в тайник между холодильниками.

Число посетителей увеличивалось, мы крутились как белки в колесе, количество кружков на нашем импровизированном календаре росло, а человек, которого ждал Ачжосси, так и не появлялся.

– Уже прошло двадцать дней. Эх, сорок девять – не так уж и много. Нужно еще что-нибудь придумать: не дай бог потратить оставшееся время на стряпню. Раньше я не понимал, что время летит так быстро. Думал, у меня впереди вечность. А жизнь, оказывается, пролетает как ветер, – трагически заметил Ачжосси, добавляя двадцатый кружок. – Сегодня, когда будешь обслуживать посетителей, обрати внимание на тех, кто зависает в инстаграме или фейсбуке⁶. Нужно будет подарить им купон на пятнадцать дней и попросить

⁶ Здесь и далее: деятельность социальных сетей Instagram и Facebook запрещена на территории Российской Федерации. – *Примеч. ред.*

выложить пост о промоакции в нашем ресторане.

– Что за акция?

Мы и сейчас-то заняты по горло, а если посетителей еще прибавится, нас ждет настоящая катастрофа.

– Скоро все узнаешь. Мне нужно любым способом встретиться с этим человеком, чтобы спокойно уйти. Ты обязательно должен найти людей, которые торчат в соцсетях. Чем больше ты их найдешь, тем лучше. Черт, как же я не догадался об этом раньше. Вот я болван!

Воодушевившись мыслями о промоакции, шеф принялся делать заготовки, напевая что-то себе под нос.

Ближе к обеду слышались раскаты грома, засверкали молнии и начался дождь, вскоре превратившийся в настоящий ливень. К тому же налетел ветер. Крыша ресторана была ненадежной и дрожала так, словно готова была обвалиться.

Все вокруг помрачнело, завеса дождя и ветра стала такой плотной, что даже перед собственным носом ничего невозможно было разглядеть. В такую погоду вряд ли в ресторан придут посетители.

– Эх, даже небо не на нашей стороне, – вздохнул Ачжосси, глядя за окно.

Он удалился в комнату, оставив в раковине все заготовки, которые сделал в приподнятом настроении. Я посмотрел на бумажку, висящую на стене. Двадцать! Осталось двадцать девять дней.

Интересно, кого же он так ждет? И что у них за отношения с этим человеком, раз он так сильно хочет его увидеть?

Я уселся на корточки в одном из углов ресторанного зала и уткнулся лицом в колени. Шеф был прав: время летело быстро. Я тоже раньше не задумывался об этом.

Дождь и ветер усиливались, небо грохотало от грома и сверкало от молний. Внезапно я ощутил необъяснимый страх, который тут же исчез, но этот короткий миг оставил гнетущее впечатление: смерть не давала себя забыть. Ведь я умер в тот день, когда мчался на мопеде, угнанном у отца моего друга Сучана. С тех пор прошло двадцать дней.

Неужели и правда умер?

Я провел пальцами по лицу. Оно было маленьким, не таким, как раньше – с трудом помещающимся в ладонях. Большие глаза, узкий подбородок, – всё так незнакомо. Да, я умер. Не могу выходить на улицу, ношу чужой облик... Я постепенно осознавал тот факт, что все-таки мертв.

Ачжосси был прав: я ни с кем не успел попрощаться перед смертью. Ведь даже в страшном сне я не мог себе представить, что умру.

Как всегда, я хорошенько разогнался на пустой дороге, легко надавливая на педаль газа. Я был уверен, что, прокатившись по привычному маршруту, вернусь к своей обычной жизни. Верил, что она продолжится и сегодня, и завтра, и послезавтра.

Ах да, я вспомнил, что не успел сделать одну вещь: потра-

тить одиннадцать тысяч вон, спрятанных от брата в школьном шкафчике. Эх, досада. А еще я всего лишь пару раз надел новый спортивный костюм, за который бабушка меня неоднократно ругала. До него я стоически donaшивал одежду брата. Бабушка сердилась: «Почему другие носят спортивный костюм по три года, а ты и двух лет не можешь проносить, на тебе все горит?» От обиды я не хотел покупать новый, но наш физрук терпеть не мог учеников, которые приходили на урок без спортивной формы. Жаль, что не придется носить костюм, купленный с такими нервами. Знал бы, что так получится, ни за что бы не покупал. Эх, лучше бы продал его за копейки в день смерти.

А еще стерва Минчжи... Я ведь ни разу не проучил эту засранку, которая, проходя мимо меня, брезгливо морщилась и втягивала носом воздух, словно от меня воняло, как от мусорного бака... Если бы я знал, что так выйдет, проучил бы ее как следует.

Знай я, что умру, поблагодарил бы и ту женщину с большой родинкой на правой щеке. Каждый раз в столовой она накладывала побольше мяса в мою тарелку на подносе, приговаривая, что надо много есть, чтобы вырасти. Почему-то я стеснялся сказать ей «спасибо» и каждый раз откладывал это на завтра, на послезавтра и на потом. Эх, теперь уже не вернуться назад, в то время. Не жаль, что я умер; жаль, что невозможно повернуть время вспять. Разве мог я представить себе, что в один прекрасный день без всякого преду-

преждения просто отправлюсь на тот свет.

Раздался скрип входной двери. Подняв голову, я чуть не потерял сознание, увидев старшего брата. Потерев рукой глаза, снова бросил взгляд в ту сторону. Без всякого сомнения – это был он. Что привело сюда этого типа? Зачем он здесь? Казалось, мое сердце вот-вот выскочит из груди.

Я ползком пробрался на кухню и затаился.

– Есть кто-нибудь? – раздался грубый хриловатый голос, от которого мне хотелось заткнуть уши.

Послышался стук открывающейся комнатной двери.

– Добро пожаловать! – бодро прозвучал голос шефа.

– Мне сказали, что вы ищете работников.

Что-о-о? Услышав эти слова, я чуть не подскочил со своего места.

– А, да. Присаживайтесь.

Что значит, мы ищем работников? Я вообще впервые слышу об этом. Даже если мы ищем кого-то, почему пришел именно этот тип? И вообще, что с ним? Может, в него молния ударила? Как этот урод может искать работу? Ведь в его голове укоренилась мысль, что деньги нужно тратить, а не зарабатывать.

– Вы студент?

– Нет, мне двадцать лет. Пару лет назад я бросил старшую школу. Не было сил ходить туда, так в ней было скучно.

– Ах, значит вы готовитесь сдавать экзамены экстерном? Какой еще, к черту, экстерн? Он же вообще не склонен к

учебе.

– Ну, допустим так.

– Есть опыт работы в ресторане?

– Да.

Ох, черт! Ну и ну, врет без малейших угрызений совести. Как это на него похоже. Он мог украсть у бабушки деньги, а потом, когда она начинала допытываться у нас, врал глазом не моргнув, что видел, как я выходил из ее комнаты. В таких случаях она не устраивала ему взбучку.

Сердце нашей бабули было полно безграничной любви к брату, но только не ко мне. Она относилась ко мне иначе. Наверное потому, что мать брата вызывала у бабушки меньше злости, чем моя. Она называла мою мамашку хитрой бес- тией. Мол, соблазнила моего сыночка, выжила из дома законную жену, чтобы занять ее место. Бабушка ругала мою мать на чем свет стоит, брызжа при этом слюной, мол, коль заняла чужое место, так и сидела бы на нем, нечего сбегать через четыре года, еще и бросив ребенка. Вряд ли сын такой матери будет ей дорог.

– Как долго работали в ресторане?

– Я всегда там работал.

Я чуть не потерял дар речи. Брат даже рамён⁷ сам не сварит. Обычно он говорил, что есть ему не хочется, а когда я

⁷ Рамён – блюдо восточной кухни, состоящее из пшеничной лапши и бульона. Пользуется широкой популярностью в Корее как недорогое, питательное блюдо быстрого приготовления.

или бабушка варили лапшу и собирались есть, он забирал себе всю кастрюлю. Такого говнюка еще надо поискать.

Я с трудом поборол желание выскочить из укрытия и спросить: «Когда это ты работал в ресторане?»

Шеф расспрашивал о том о сем. А потом сказал, что сообщит о своем решении через седую старушку. Ах, вот оно что. Значит, это она порекомендовала ему наш ресторан. Интересно, как она вообще связана с этим типом?

– Ах да, ты есть в соцсетях?

– Еще бы, это мое хобби. Мое единственное занятие.

Что правда, то правда. Каждый божий день, проснувшись утром, брат первым делом заходил в фейсбук и инстаграм, чтобы всячески там понтоваться. Например, похвастаться одеждой, купленной на бабушкины деньги, которые он выманивал у нее не нытьем так катаньем, а то и шантажом. А еще выкладывал невесть откуда взятые фотографии с изысканной едой и утверждал, будто сам все это ел, не говоря уж о многочисленных фото, сделанных на фоне чужих машин. Помню, как однажды он сильно облажался, сфоткав автомобиль вместе с номерами, на что настоящий владелец оставил комментарий: «Эй ты, аферист несчастный, это моя тачка!» После того случая брат тщательнее отбирал каждое фото. Читая его посты, можно было подумать, что он отпрыск семейства, входящего в чеболь⁸. Этот тип состоял только из

⁸ Чеболь – южнокорейская форма финансово-промышленных групп. Часто состоят из формально самостоятельных фирм, находящихся в собственности опре-

понтов и вранья.

– Ну хорошо... Завтра выходите на работу.

Боже мой!

– С какой стати? – заорал я, подскочив с места.

Мои глаза встретились с глазами брата.

– А это еще кто?

Он меня не узнал. Ну еще бы, узнать меня невозможно.

– Ах, это... мой сын.

– Разве вы говорили, что ищете работника? – снова заорал я.

– И зачем так глотку драть? Фу, какой невоспитанный, – пробормотал брат.

– Ты и сам знаешь, как мы сильно загружены. У нас нет времени даже дух перевести. Тебе самому будет легче, если найдем помощника, почему ты злишься? – поинтересовался Ачжосси.

деленных семей или под их контролем. На руководящие должности в таких структурах расставлены, как правило, родственники, чья власть может превышать законные полномочия. Чеболи возникли в Южной Корее в конце Корейской войны и существуют до сих пор.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.